

Речь М. Горбачёва во Владивостоке (1986) в оценках англоязычной историографии

Елена Николаевна Чернолуцкая,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии на-
родов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: chvalery@mail.ru

В статье анализируется восприятие западным экспертным сообществом речи М. Горбачёва во Владивостоке в июле 1986 г., где прозвучали кардинально новые инициативы по развитию Дальнего Востока на базе интеграции со странами АТР. Аналитики внимательно изучали и оценивали основные положения этой речи, а затем их реализацию. Они выявили, что новый дальневосточный курс имел пролонгированный, но неоднозначный эффект для региона как в последние советские годы, так и в первое десятилетие существования Российской Федерации. Определена специфика оценок, прозвучавших в англоязычной историографии на двух этапах, — в 1986—1991 гг. и в 1990-е гг. — с анализом перспектив, результатов и степени преемственности «новой восточной политики» от М. Горбачёва к Б. Ельцину. Показано, что поначалу перспективы развития Дальнего Востока виделись исследователям благоприятными, и главным критерием выступала близость российского региона к странам АТР. Однако со временем учёными было выявлено множество негативных факторов, что вызвало более пессимистические оценки эффективности этого курса, как по причинам доктринального характера (ставка на экспорт сырьевых ресурсов), так и политического (конфронтация групп влияния в высших и региональных структурах) и практического (неразвитость инфраструктуры, устоявшейся законодательной базы и др.). Общий вывод аналитиков можно свести к тому, что налаживание взаимодействия Дальнего Востока со странами АТР в течение всего рассмотренного периода происходило не благодаря «новой восточной политике» Москвы, а из-за необходимости простого экономического выживания. Ожидаемого скачка в развитии региона не произошло.

Ключевые слова: Дальний Восток России, региональная политика при М. Горбачёве и Б. Ельцине, англоязычная историография.

Mikhail Gorbachev's Speech in Vladivostok (1986) in the Assessments of English-Language Historiography.

Elena Chernolutskaia, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples
of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: chvalery@mail.ru.

The paper analyzes how Western expert community perceived Mikhail Gorbachev's speech in Vladivostok in July 1986, in which radically new initiatives

for the development of the Far East aimed at integration with the countries of the Asia-Pacific region were announced. Analysts carefully studied and evaluated the main ideas of this speech and their implementation. They revealed that the new Far Eastern policy had a prolonged but ambiguous effect on the region both in the last Soviet years and in the first decade of the existence of the Russian Federation. The study identifies the specifics of the assessments in English-language historiography during two periods — from 1986 to 1991 and in the 1990s — analyzing the prospects, results, and degree of continuity of the “new Eastern policy” from Mikhail Gorbachev to Boris Yeltsin. It is shown that initially researchers viewed the prospects for the development of the Far East positively, and the proximity of the Russian region to the countries of the Asia-Pacific region was an advantage. However, over time, scholars discovered numerous negative factors, which led to more pessimistic assessments of the policy’s effectiveness due to doctrinal reasons (the focus on exporting raw materials), political reasons (confrontation among influential groups at the national and regional levels) and practical reasons (underdeveloped infrastructure, lack of a well-established legislative framework, etc.). Analysts concluded that the establishment of cooperation between the Far East and the countries of the Asia-Pacific region developed not as a result of Moscow’s “new Eastern policy” but due to the necessity of simple economic survival. The expected breakthrough in the region’s development did not occur.

Keywords: Russian Far East, regional policy under M. Gorbachev and B. Yeltsin, English-language historiography.

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие «поворот на Восток» стал востребованной темой в историографии современной политики России. Приступая к анализу процессов XXI в., мало кто из исследователей не протягивает историческую нить к более ранним попыткам российского государства актуализировать своё присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Среди значимых событий этого ряда неизменно выступает речь М. Горбачёва во Владивостоке 28 июля 1986 г., основные положения которой имели пролонгированный, но весьма неоднозначный эффект при реализации восточного вектора политики государства как последних советских лет, так и начального этапа Российской Федерации, что было предметом внимательного изучения экспертными сообществами и в нашей стране, и за рубежом. Анализ этого восприятия является необходимым компонентом для осмысления исторической эволюции феномена «поворота на Восток» в целом. Однако если по отечественной историографии данной проблематики уже появились специальные исследования [1], то этого нельзя сказать о зарубежной.

Речь Горбачёва произвела шумный эффект на Западе. Её анализировали и давали прогнозы на будущее политики, дипломаты, военные, журналисты, учёные. Её обсуждению посвящались научные форумы, выпускались сборники статей [21; 22 и др.]. Уже тогда в текстах стали

мелькать термины «поворот на восток» (the turn eastward, an eastward turn) [5, p. 630, 637; 18], «ориентированный на восток подход» (eastward-looking approach) [22, p. 2] и т.п.

В изложенной доктрине выделялись два тесно связанных компонента — внешне- и внутривосточный. Общая оценка первого сводилась к тому, что он явился отражением нового политического мышления советского руководства и переломным этапом политики СССР в АТР. Как сформулировал американский историк Дж. Ха, Горбачёв «придал новый уровень гибкости советской внешней политике. В своей судьбоносной речи во Владивостоке он отразил этот динамизм, выразив неслыханную ранее готовность к компромиссу по широкому кругу вопросов азиатской экономики и безопасности» [14, p. 5].

Последовавшие многочисленные публикации были посвящены в основном трём направлениям внешней политики, заложенным в инициативах Горбачёва: развитию двусторонних отношений со всеми странами АТР, урегулированию региональных конфликтов и масштабному уменьшению советского военного присутствия на Дальнем Востоке [15, p. 56; 18; 21 и др.]. Всё это, по мнению комментаторов, было следствием восприятия советским руководством глобальной идеи о наступлении «Тихоокеанского века», то есть о потенциальном экономическом доминировании стран АТР [5].

Более скромное место в работах получил анализ взаимосвязи объявленных Горбачёвым стратегических и экономических задач, стоявших перед советским Дальним Востоком, что явилось отражением общей историографической ситуации на Западе, где, по признанию её британского представителя М. Брэдшоу¹, главное внимание уделялось международным отношениям России в АТР и относительно мало — внутренней ситуации на Дальнем Востоке [8, p. 2]. Однако это не умаляет историографической значимости данного блока исследований.

Цель нашей статьи — проследить динамику восприятия западными аналитиками «нового политического мышления» в области внутренней дальневосточной политики, заявленной Горбачёвым во владивостокской речи 1986 г., исторический шлейф которой сохранялся и после ухода последнего советского лидера с политической арены. Мы ставим задачи выявить специфику оценок, прозвучавших на двух этапах, — до развала СССР и в первое десятилетие после него; определить, как изменялось понимание за рубежом перспектив, результатов и степени преемственности «новой восточной политики» от М. Горбачёва к Б. Ельцину (то есть до начала её следующего, наиболее активно изучаемого сейчас этапа, связанного с именем В. Путина). Таким образом, мы рассмотрим исследования современников названного процесса, на оценки которых влияли не только общепринятые источники информации, но и непосредственное ощущение духа времени, погружённость в политико-идеологическую и общественную атмосферу тех

¹ М. Брэдшоу — специалист в областях гуманитарной географии, геополитической экономики и глобальной энергетики (Великобритания). Примечание: здесь и далее приводится информация об авторах, актуальная на время публикации названных работ.

лет. Отдавая себе отчёт в невозможности охватить весьма объёмный корпус публикаций по этой теме, мы остановимся на нескольких характерных сюжетах, раскрывающих вопросы магистральной линии развития Дальнего Востока и роли политических акторов центрального и регионального уровней в реализации «новой восточной политики».

НОВЫЙ ВОСТОЧНЫЙ КУРС ГОРБАЧЁВА В ОЦЕНКАХ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ, 1986—1991 гг.

Объявленная в СССР перестройка с её резкими доктринальными поворотами сразу же сконцентрировала внимание западных наблюдателей на её идеологических истоках и агентах влияния. «Новое мышление» в советской политике анализировалось не только в отдельных публикациях, но и становилось темой представительных научных форумов, например круглого стола, проведённого на IV Всемирном конгрессе по советским и восточноевропейским исследованиям в Харрогите (Великобритания) в 1990 г. [17]. Аналитики делали ударение на том, что при Горбачёве впервые в советской истории правящая команда отказалась от основанной на принципах марксизма-ленинизма идеи о разделении мира на два враждебных лагеря и существовании агрессивного капиталистического империализма, проявив желание устранить чувство антагонизма между СССР и некоммунистическим миром [4, р. 2; 11, р. 71—72; 16, р. 2—3 и др.]. Это явление в советской идеологии оценивалось как радикально новое, но вызревавшее постепенно на протяжении послесталинских лет, особенно в 1960-е — начале 1980-х гг., когда в публичный и частный дискурс входили «некоторые концептуальные новшества», разрабатывались «более полезные категории политического анализа», велись «негласные дебаты» [9, р. 12].

Большой интерес исследователей вызвали масштабные кадровые перестановки в высших партийных и государственных органах. Как позже выразился С. Бланк², «решительному повороту в политике должны были предшествовать преобразования в бюрократии и концептуальной структуре советских элит» [6, р. 880]. В публикациях отмечалось, что Горбачёв перестроил советскую внешнеполитическую структуру, ввёл новых людей, избавившись от сторонников жёсткой линии в отношении Азии (А. Громыко, М. Капицы и др.). Новая когорта советских влиятельных специалистов из МИД и Академии наук (А. Яковлев, Е. Примаков, Э. Шеварнадзе и др.) заложила платформу для политики «нового мышления» [13; 18, р. 30 и др.].

В статьях С. Аткинсона³, С. Замасчикова⁴, Дж. Ха и др. уделено внимание их роли в разработке новой оборонительной доктрины, основанной на принципе «разумной достаточности» и сокращении вооружённых сил на Дальнем Востоке. Авторы выходят на проблему

² С. Бланк — советолог, адъюнкт-профессор Института стратегических исследований (США).

³ С. Аткинсон — аналитик Центра военно-морского анализа (США).

⁴ С. Замасчиков — переводчик и независимый консультант (США).

возникшей в высших эшелонах власти конфронтации между гражданскими и военными. Последние считали опасным одностороннее сокращение вооружённых сил, подчёркивая сохранявшуюся угрозу со стороны военного потенциала США. Однако «институтчикам» удалось принизить военный аспект советской внешней политики и подорвать доминирующее положение советских военных в принятии решений по национальной безопасности, в том числе в вопросах, связанных с Азией [4, р. 6—7; 14, р. 6; 24].

Отталкиваясь от ситуации в Центре, исследователи следили за развитием восточного курса внутренней политики, в качестве её индикаторов изучая речи Горбачёва во Владивостоке, затем в Красноярске (сентябрь 1988 г.), а также принятую в 1987 г. Комплексную программу долгосрочного развития Дальнего Востока. Важным условием реализации этого курса было новшество в осуществлении внешнеэкономических связей — Москва объявила об их децентрализации, переносе на уровень регионов и хозяйствующих субъектов, что было особенно значимым для приграничных территорий, каковой и является Дальний Восток.

Лейтмотив «новой восточной политики» был понят всеми как необходимость омоложения и усиления экономики страны и обеспечения её безопасности. Поэтому комментаторы считали уместным, что призыву к улучшению международных отношений в АТР предшествовали призывы к экономическому развитию советского Дальнего Востока [5; 22]. По словам Г. Хаусладена⁵, инициативы Горбачёва позволяли «обезопасить восточные границы страны, высвободить ресурсы из военной сферы, получить доступ к капиталу и технологиям региона и в конечном счёте значительно облегчить экономический рост и развитие Дальнего Востока России» [15, р. 64].

Дж. Перкович⁶, как и ряд других авторов, показал, что в основе дальневосточной программы центрального руководства лежало положение о том, что регион должен развивать свою экономику на базе экспорта сырьевых ресурсов, который свяжет СССР с быстро развивающимися странами АТР [18]. Активизации приграничной торговли должны были способствовать «новые подходы», в первую очередь совместные предприятия, выступавшие «средством привлечения иностранного капитала, опыта и технологий в советскую экономику без затрат драгоценной твёрдой валюты» [18, р. 33].

Среди радикальных шагов, способных содействовать будущему развитию Дальнего Востока, С. Аткинсон называет политику «открытых дверей», начатую с 1988 г. Сюда он относит обещание Горбачёва открыть г. Владивосток в качестве «международных ворот» Советского Союза, активное обсуждение вопроса о создании свободных экономических зон (предлагались такие территории, как Владивосток и Хасанский район в Приморском крае, Де-Кастри на Сахалине, Южные Курильские острова, южные районы в Хабаровском крае), принятие в 1990 г. официального решения о создании СЭЗ в Находке, расширение двусторонней торговли и др. В этом контексте и с учётом выгодного

⁵ Г. Хаусладен — профессор географии университета Невады (США).

⁶ Дж. Перкович — специалист по проблемам международной безопасности (США).

географического положения перспективы развития Дальнего Востока представлялись автору благоприятными [4, р. 4—7; 5, р. 635—637].

Вместе с тем к концу перестройки аналитики единодушно отмечали, что советские власти не справлялись с задачей завоевания доверия иностранных бизнесменов, не спешивших инвестировать в экономику Дальнего Востока и участвовать в совместных предприятиях. Последних отпугивали высокая степень централизации принятия экономических решений в СССР, а также общая нестабильная обстановка и неустроенность. Зарубежные фирмы, которые начали заходить в регион, столкнулись со множеством трудностей: был неясен их правовой режим, значительные проблемы создавала неразвитость инфраструктуры. Негативную огласку получили результаты работы нескольких совместных предприятий, работавших в убыток [4, р. 15; 15, р. 52—53, 64; 18].

Активную дискуссию вызвал вопрос, сможет ли российский регион успешно выйти на рынки АТР и стать самодостаточным, или он сохранит «колониальную» зависимость от западных территорий страны. Такие исследователи, как Дж. Хаусладен, высказывали мнение, что, судя по выступлениям Горбачёва, роль Дальнего Востока, как и Сибири, в советской экономике не изменится: эти регионы останутся ресурсной периферией. Они будут поставщиком ресурсов на внутренние и внешние рынки, чтобы стимулировать развитие западных регионов страны, зарабатывать твёрдую валюту, получать передовые технологии «для вялой советской экономики» и обеспечивать выход советского государства в АТР. Для всестороннего же развития региона, по мнению автора, существовали мощные барьеры — сопротивление проевропейски настроенных политиков выделению средств на укрепление Дальнего Востока, отсутствие в нём экономической и социальной инфраструктуры и др. Кроме того, необходимым условием развития региона автор назвал фактическую реализацию радикальных реформ [15, р. 52—53, 64].

Противоречивость новой региональной политики показал и М. Брэдшоу. В 1988 г. он писал: «Когда М. Горбачёв выступал во Владивостоке в июле 1986 г... он сосредоточился на внутренних решениях региональных проблем. Акцент на добычу ресурсов по-прежнему был очевиден, но больше внимания уделялось развитию социально-экономической инфраструктуры» [7, р. 372]. Однако автор заметил, что политика перестройки выдвигала на первое место инвестиции в промышленные, а не в отдалённые сырьевые регионы СССР. Для последних ставка делалась на их экспортную ресурсную ориентацию, что при существовавших торговых отношениях не могло себя оправдать: «По крайней мере, в краткосрочной перспективе экспорт ресурсов не принесёт капитала, необходимого для реструктуризации экономики Дальнего Востока» [7, р. 389]. Отсюда М. Брэдшоу заключает, что комплексная программа развития Дальнего Востока вряд ли могла получить высокий приоритет [7, р. 367, 373, 388].

Помимо экономических барьеров реализации «новой восточной политики» внимание аналитиков было обращено к взаимодействиям между гражданскими и военными руководителями на региональном уровне. В частности, С. Аткинсон отметил негативную позицию командования ТОФ в отношении открытия Владивостока и проектов

создания СЭЗ, поскольку для этого требовалось передислоцировать корабли в другие гавани, что было не только дорого и хлопотно, но и снижало боеспособность Советского Союза. Беспокойство военных вызывали также предложения политиков о совместном с Японией управлении Южными Курильскими островами, имеющими решающее значение для советской морской стратегии на Тихом океане. Сопротивление военных новому курсу к концу перестройки усилилось и по причине нарастания кризисных явлений внутри региона, связанных с конверсией оборонной промышленности, разоружением и сокращением армии [4, р. 1—8; 5, р. 634—635]. На этой основе на Дальнем Востоке сложилась коалиция командования ТОФ с партийной бюрократией среднего звена, представителями оборонно-промышленного и разведывательного сообществ. Автор называет её «могущественной силой старой линии», которую борьба за перемены в регионе «натравливает... практически против всех остальных» [5, р. 644—645].

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА МОСКВЫ И ЕЁ ИТОГИ В ОЦЕНКАХ ЗАПАДНЫХ АНАЛИТИКОВ 1990-х гг.

Несмотря на то, что в 1990—1991 гг. резкое ухудшение внутренней ситуации в СССР было очевидным, развал советского государства для большинства стал неожиданностью. Тем не менее в публикациях последующего десятилетия линия, разделившая эпохи на советскую и постсоветскую, не стала выступать резкой границей при анализе ситуации на Дальнем Востоке. В исследовательский дискурс с лёгкой руки философа А.А. Зиновьева вошёл мем «катастрофка», под которым понимали непрерывность крайне негативной экономической и социальной динамики в стране в конце 1980-х — 1990-е гг. Например, Дж. Стефан⁷ в своей монографии при рассмотрении событий конца советского и начала постсоветского периодов выделяет разделы «Катастрофка», «Гласность», «Социальная фрагментация» и др. [19, р. 288—295], а в книге С. Дэвис одна из глав названа «Катастрофка и коллапс или бартер, торговля и потенциальное благополучие?» [12, р. 59—85].

Продолжая следить за развитием дальневосточной политики теперь уже нового государства, эксперты видели в ней единую концептуальную основу с курсом, начатым Горбачёвым. В своём анализе они отталкивались от очередного доктринального документа «Основные положения концепции внешней политики РФ» (1993), а также оценивали результаты реальной практики предшествующих лет.

В 1995 г. вышла коллективная монография «Дальний Восток России в переходный период: возможности для регионального экономического сотрудничества». Центральную идею издания его редактор М. Валенсия⁸ изложил так: «Российский Дальний Восток явно находится

⁷ Дж. Стефан — профессор Гавайского университета (США), автор исследований по истории Дальнего Востока России.

⁸ М. Валенсия — американский аналитик в области морской политики, политический комментатор и консультант, специализирующийся на Азии.

на политическом и экономическом перекрёстке. Его альтернативное политическое и экономическое будущее простирается от колониального порабощения Центром или азиатскими соседями до виртуальной анархии, до полной независимости, и всё это с различной степенью экономического взаимодействия с североазиатскими государствами» [20, р. 2]. Автор предложил возможные сценарии развития региона в зависимости от степени контроля со стороны Центра: наиболее благоприятные возможности Дальний Восток мог получить при равном партнёрстве с государством и расширении политической и экономической автономии внутри него. Крайние варианты — полная зависимость или полная независимость от Центра — влекли за собой либо возврат к «модели прошлого» (где Дальний Восток — это колония европейской части страны), либо превращение его в объект эксплуатации сильными азиатскими соседями. По мнению М. Валенсии, после событий 1991 г. Дальний Восток уже стал более автономным в своей внутренней политике и в отношениях с Северо-Восточной Азией, но большая ирония заключалась в том, что его сотрудничество со странами АТР развивалось из-за кризиса в России. При этом автор обращает внимание на то, что Дальний Восток находится на периферии быстро развивающейся экономики АТР, и ему придётся играть второстепенную роль. «Свобода от централизованного контроля и открытая трансграничная и бартерная торговля, скорее всего, приведут к мелкомасштабному локализованному развитию, которое может лишь незначительно улучшить положение населения» [20, р. 5].

Вопрос о том, должен ли Дальний Восток быть ориентированным на внутренний или внешний рынок, в публикациях 1990-х гг. оставался одним из наиболее дискуссионных. По словам Ц. Акахи⁹, те аналитики, что подчёркивали близость региона к расцветающим экономикам АТР, доказывали пользу экспортно ориентированной стратегии развития. Однако сам Ц. Акаха утверждал: «Энтузиастам торговли следует иметь в виду, что с точки зрения экспортной конкурентоспособности российский Дальний Восток стартует с нижнего порога торговой системы АТР. Они должны быть осведомлены о реальной опасности, которая может заставить экспортно ориентированное развитие региона стать вечным экспортёром сырья и импортёром готовой продукции... Будет ли историческая зависимость российского Дальнего Востока от Москвы заменена на будущую зависимость от АТР? Это не риторический, а реальный вопрос, стоящий перед регионом» [2, р. 220—221]. Москве же, по мнению автора, не хватало «последовательного, всеобъемлющего и долгосрочного взгляда на роль Дальнего Востока в российской политике в АТР» [2, р. 218].

На этой же позиции стоял и С. Бланк, когда в статье 1994 г. говорил о принципиальном невнимании российского руководства к «энергичному расширению экономического положения Дальнего Востока» и сохранении за ним роли сырьевого придатка и экспортёра. На его

⁹ Ц. Акаха — профессор международных политических исследований и директор Центра восточноазиатских исследований Монтерейского института международных исследований (США).

взгляд, было более чем вероятно, что любое существенное увеличение экспорта в Азию в целом и в Китай в частности будет происходить в форме поставок сырья, оружия и военных технологий. Это означало, что Сибирь и Приморье «станут дойной коровой», доходы которых от экспорта будут вкладываться в развитие промышленности других регионов. Москва не рассматривала возможность коренной реорганизации экономической структуры Дальнего Востока, даже если он является «воротами» на мировой рынок. Автор считал, что Ельцин продолжит политику Горбачёва, который много говорил о международной интеграции, но практически ничего не сделал для её достижения. «Таким образом, при любой экономической системе регион малопривлекателен для иностранных инвесторов... Никакого экономического чуда здесь не произойдёт и не предвидится. Из этого следует, что регион останется прежде всего военным форпостом России в Азии и на Тихом океане, а не окном в экономику Азии» [6, р. 884—885].

Тогда же Дж. Стефан не без сарказма писал: «Долгое время называвшийся форпостом Дальний Восток теперь обозначается как окно. Семантический водораздел проходит в 1986 г., когда М. Горбачёв остановился во Владивостоке, чтобы провозгласить „новую“ эпоху взаимодействия с Азией и Тихоокеанским регионом. Горбачёвская риторика вдохновила взгляды на Дальний Восток как на модель для прекрасного нового мира». Но, «несмотря на всю шумиху, горбачёвское „окно в АТР“ оставалось форточкой» [19, р. 295—297].

В публикациях 1990-х гг. нашёл продолжение и сюжет о противоречиях в структурах власти, вызванных отношением к восточной политике. Теперь внимание комментаторов привлекла оппозиция новых дальневосточных лидеров развитию китайско-российских отношений, особенно ярко продемонстрированная губернатором Приморья Е. Наздратенко. Например, М. Бёрлз¹⁰ отмечает его негативное восприятие соглашения о демаркации границы 1991 г. Автор считает это проявлением популистской риторики «непотопляемого» губернатора, сосредоточенной на угрозах национальной безопасности России, а также экономических рисках, поскольку соглашение позволяло Китаю построить новый крупный портовый комплекс на р. Туманной, что подорвало бы жизнеспособность портов Владивосток и Находка [10, р. 43—45].

В статье Э. Вишник¹¹ показано, что негативная позиция региональных руководителей сложилась не сразу. Поначалу они приветствовали приграничную торговлю и создание совместных российско-китайских предприятий как решение проблем, возникших в 1991—1992 гг. Но вскоре губернаторы начали опасаться геоэкономических последствий притока китайских мигрантов на некогда закрытые территории, наводнения региона некачественными китайскими товарами и чрезмерной зависимости от них, и к 1994 г. рассматривали Китай как главную потенциальную угрозу региональному балансу сил. В то время как Б. Ельцин отвёл Китаю роль стратегического партнёра,

¹⁰ М. Бёрлз — американский специалист по международным отношениям.

¹¹ Э. Вишник — специалист по международным отношениям и региональному развитию в Азии (США).

дальневосточные лидеры стали выступать за необходимость ограничительных мер китайской иммиграции и в целом новые правила контроля над российско-китайскими отношениями в регионе, более того — частично внедрять такие меры на региональном уровне и расширять сотрудничество с США, Японией и Южной Кореей [23, р. 295—299, 314].

По мнению же С. Бланка, российские элиты в целом, «несмотря на все заверения в дружбе, испытывают заметную двойственность, если не атавистический страх перед Китаем. Этот союз в лучшем случае является временным браком по расчёту». Со своей стороны, Китай не выглядел заинтересованным в укреплении экономического положения России, а его бизнес-класс не привлекал «хаос российской экономики» [6, р. 906—907].

Более гибким и открытым для внешних взаимодействий Э. Вишник назвала руководство Сахалинской области, где сложился относительный баланс сил между губернатором, Думой и администрацией г. Южно-Сахалинска. Это снизило склонность представителей власти к «чрезмерной политизации» проблем, связанных с иностранными инвестициями. При этом автор уделяет внимание в основном нефтегазовым проектам, привлёкшим крупнейшие американские и японские инвестиции [23, р. 303—304], что, безусловно, качественно отличало ситуацию на острове от материковых территорий Дальнего Востока.

С. Бланк предложил концептуальную оценку трансформации азиатской политики РФ как борьбу между милитаризованным и экономическим подходами. Он считает, что в 1990-е гг. вместо второго, характерного для периода перестройки, предпочтение высших властных структур было отдано первому, что свидетельствовало о консенсусе военных и дипломатов по основным вопросам безопасности. По мнению автора, военная доктрина РФ, принятая в 1993 г., показала «восстановленное превосходство военных в сфере оценки угроз и политики после её испытаний при Горбачёве» [6, р. 886], и многие внутренние силы в России настаивали на том, чтобы азиатская политика была в первую очередь ориентирована на военные интересы. «Чем дольше милитаризованный подход будет оставаться доминирующим, тем дольше Россия будет рассматривать свои интересы в свете постоянной враждебности со стороны других государств. Соответственно, военно-промышленный комплекс сохранит свою гегемонию в российской политике, особенно если он сможет получать крупные суммы наличных за поставки оружия в Азии» [6, р. 907].

Восприятие исследователями 1990-х гг. восточного вектора российской политики за более чем 10-летний период, начиная с перестройки, как единого процесса проявилось и в том, что в большинстве публикаций он не получил какой-либо внутренней периодизации. Исключением можно считать работу Н. Араи и Ц. Хасэгавы¹² (1997) [3]: в рамках периода 1986—1997 гг. они выделили четыре этапа, обозначив их как «новая эра». Она, по мнению авторов, была навязана «сверху» после

¹² Н. Араи — исполнительный директор Хоккайдского института региональных исследований в Саппоро (Япония). Ц. Хасэгава — профессор истории Калифорнийского университета (США).

выступления Горбачёва во Владивостоке. В отличие от предшественников, исследователи заострили внимание не столько на том, какие возможности открывала инициатива советского лидера, сколько на заложенной в его речи резкой критике плачевных экономических показателей Дальнего Востока и призыве стать экономически самодостаточным регионом с единственным способом — экономической интеграцией в экономику АТР. Эту политику Н. Араи и Ц. Хасэгава назвали «смотреть на Восток» (Gorbachev's "Look East" policy).

«Внезапно и без предупреждения, — писали авторы, — советский Дальний Восток был грубо разбужен от спячки, и ему было приказано открыть свои ворота для соседей по АТР и разработать собственную экономическую стратегию, не полагаясь на субсидии и инвестиции из Москвы» [3, р. 158]. По мнению исследователей, это было несправедливым по отношению к Дальнему Востоку, положение которого, сведённое к колониальному форпосту, закрытому от естественных соседей, стало не собственным выбором, а результатом долговременной сознательной политики Москвы. В статье утверждалось, что, как и многие идеи Горбачёва, политика «смотреть на Восток» начиналась с благих намерений, но в ходе её реализации возникло множество препятствий. К концу 1990-х гг. изменения в стране оказали катастрофическое воздействие на Дальний Восток, он пострадал от кризиса сильнее, чем какой-либо другой регион, если не считать Чечню [3, р. 157].

Представляет интерес составленная авторами характеристика этапов. Изложим её вкратце. На I этапе (1986—1989) Центр начал проводить реструктуризацию экономики региона. Её рост, зависевший от государственных инвестиций и субсидий, внезапно прекратился, при этом сохранился жёсткий контроль министерств над ресурсами Дальнего Востока. С другой стороны, дальневосточная партийная номенклатура была психологически не готова к встрече с новым вызовом и сопротивляясь каждому аспекту политики «смотреть на Восток». Но к 1989 г. волны гласности и демократизации, выборы народных депутатов и глав региональных администраций изменили политический ландшафт Дальнего Востока и подготовили его к следующему этапу [3, р. 159].

Наиболее важной характеристикой II этапа (1990—1991) авторы считают тесную связь развития региона с борьбой между Горбачёвым и Ельциным, то есть между управленческими уровнями СССР и РСФСР. В этой борьбе дальневосточные лидеры заключили с Ельциным союз, который «был подобен браку по расчёту». Их напористость наиболее ярко проявилась в попытках создать свободные экономические зоны, но основной целью было скорее не привлечение иностранных инвестиций, а установление контроля над ресурсами [3, р. 160].

На III этапе (1992 — середина 1993 г.), одержав победу, Ельцин проявил себя как убеждённый централизатор. Его административная реформа нарушила устоявшуюся систему управления по линии «Центр — регионы», создала неясности и конфликты в отношениях между структурами власти разного уровня. Значительный ущерб Дальнему Востоку нанесла шоковая политика Гайдара, которая применялась повсеместно, без какой-либо региональной дифференциации. Каждая область и край были предоставлены сами себе и боролись за получение доступа

к скудным ресурсам от Москвы. По иронии судьбы именно эта ситуация привела к интеграции Дальнего Востока с АТР. Нехватка потребительских товаров и продовольствия заставила его развивать бартерную торговлю с Китаем. Быстро расширился экспорт, особенно рыбы, так как каждый регион стремился заработать твёрдую валюту. Создавались совместные предприятия с китайскими и японскими инвесторами. Однако всё это не привело к какой-либо модернизации промышленной структуры Дальнего Востока, поскольку сырьё стало главным объектом экспорта и совместных предприятий [3, р. 161—163].

На IV этапе (вторая половина 1993 — 1997 г.) регион быстро выпадал из российского экономического пространства: на фоне стремительного спада экономики страны его интеграция с соседями по АТР продвигалась с поразительной скоростью. Однако способ этой интеграции и её последствия были не результатом политики «смотреть на Восток», как предполагал Горбачёв, не собственным выбором российского региона, а скорее чистой необходимостью экономического выживания. В результате все решения на Дальнем Востоке принимались в качестве временных мер, без какого-либо учёта их долгосрочных последствий. Иностранный капитал вторгся сюда только для того, чтобы разграбить природные ресурсы, не принося никакой выгоды большинству населения и нанося ущерб промышленной и экологической основе региона [3, р. 163—170].

Н. Араи и Ц. Хасэгава перечислили барьеры, которые сдерживали интерес иностранных инвесторов к российскому региону: крайне неадекватная инфраструктура, неэффективность правовых органов, неконвертируемость рубля, неразвитость предпринимательства, мафия и др. [3, р. 171]. Эти авторы, как и их предшественники, находили, что «решающий прорыв к новой стратегии, направленной на интеграцию с АТР, не занял достойного места среди экономической и политической элиты Дальнего Востока» [3, р. 164].

Основные тезисы, приведённые в указанной публикации, в той или иной степени присутствовали и в работах других исследователей. Так, С. Дэвис¹³ отмечала, что причины непривлекательности региона для иностранных бизнесменов в большинстве были такими же, как в целом по стране, — отсутствие независимой судебной системы, непостоянные законы и правила, конфискационное налогообложение и др. Однако Дальний Восток отличали более высокая степень коррумпированности и отсутствие инфраструктуры, плохие энергоснабжение и связь, трудные жизненные условия. Азиатские же страны интересовались преимущественно сырьём, никто из них не стремится поднять Дальний Восток из бедности в процветание [12, р. 63, 133].

В конце 1990-х гг. западные аналитики не могли обойти вниманием два экономических потрясения, повлиявших на состояние российского Дальнего Востока. М. Брэдшоу назвал их «двойным ударом». Первый — это азиатский финансовый кризис 1997 г., который «снизил спрос на ресурсы и отбил всякое желание инвестировать в места

¹³ С. Дэвис — профессор Университета Денисона и адъюнкт-профессор Школы специальных операций Военно-воздушных сил (США).

с высоким уровнем риска, такие как Азия», что поставило под сомнение концепцию «Тихоокеанского века». Второй — финансовый кризис в России 1998 г., когда «девальвация рубля привела к увеличению импорта из АТР и обходится слишком дорого обедневшему потребителю на Дальнем Востоке». Эти события показали, что представление о Дальнем Востоке как о ресурсной границе «Тихоокеанского века» было преждевременным, а богатый ресурсный потенциал региона в значительной степени оставался нереализованным. Российскому региону «не удалось максимально использовать свои природные богатства и близость к экспортным рынкам для налаживания пути выхода из переходного периода рецессии, последовавшего за либерализацией российской экономики» [8, р. 1].

Но к началу 2000-х гг. исследователи находили определённые позитивные сдвиги во взаимодействиях Дальнего Востока и стран АТР, в частности восстановление докризисного уровня торговли с Китаем, которая стала преодолевать бартерные формы и становилась более монетарной [12, р. 63], признаки оживления связей с Южной Кореей и др. [23, р. 310].

Э. Вишник, подводя итоги двусторонних экономических отношений Дальнего Востока за 1990-е гг., пришла к выводу, что они стабильно развивались с США, Японией и Южной Кореей, несмотря на трудности и неблагоприятный инвестиционный климат. Линия взаимодействия с Китаем оказалось более сложной, а бум приграничной торговли начала 1990-х гг. недолговечным. Приграничные российские регионы избегали экономической зависимости от этой страны и диверсифицировали внешние связи. Своё заключение автор сделала на основе анализа экономических показателей, форм сотрудничества и конкретных примеров. Однако она не дала оценку тому, какого именно уровня достигли вышеназванные «стабильные» или «нестабильные» отношения, а главное, какую роль они сыграли в развитии российского Дальнего Востока. Тем не менее итоговая оценка исследователя красноречива: «Региональная динамика российской политики в Азии отражала провал региональной политики Москвы — экономически отрезанные от европейской части России высокими транспортными тарифами и ценами на энергоносители регионы Дальнего Востока обратились к своим соседям из Северо-Восточной Азии за рынками сбыта своих ресурсов и потребительскими товарами» [23, р. 314].

ВЫВОДЫ

Владивостокская речь М. Горбачёва и её значение для дальнейшей практической политики стали актуальной темой в англоязычной историографии в конце 1980-х — 1990-е гг., о чём свидетельствуют не только массовость публикаций, но и широкий дисциплинарный профиль их авторов, включая специалистов в области политологии, истории, географии, безопасности, военных аналитиков и т.д. Инициативы советского лидера выступали маркером доктринальных трансформаций в СССР и заставляли по-новому оценивать ситуацию на Дальнем Востоке.

Работы, вышедшие до 1992 г., показывают, что поначалу перспективы развития региона в свете «новой восточной политики», дававшей курс на выход Дальнего Востока в Азию, виделись западным аналитикам благоприятными, и главным критерием здесь выступала географическая близость российского региона к странам АТР. Однако к концу перестройки реализация объявленных Горбачёвым ключевых задач вызывала у исследователей сомнение, как по причинам доктринального характера (ставка на экспорт сырьевых ресурсов), так и политического (конфронтация групп влияния в высших и региональных структурах) и практического (неразвитость инфраструктуры, устоявшейся законодательной базы и др.).

В 1990-е гг. исследователи исходили из того, что реализуемая правительством РФ политика на Дальнем Востоке в своей основе продолжала линию, обозначенную последним советским лидером в 1986 г. Но, несмотря на проведение в стране кардинальных реформ, авторы по-прежнему отмечали наличие барьеров для привлечения в регион иностранных инвестиций, а прогнозы на перспективу стали носить более пессимистический характер. Общий вывод аналитиков можно свести к тому, что Дальний Восток действительно стал налаживать экономические взаимодействия со странами АТР, однако это происходило не благодаря «новой восточной политике» Москвы, а из-за необходимости простого экономического выживания. Иностранный капитал был заинтересован в разграблении природных ресурсов Дальнего Востока, а не в его модернизации. В результате ожидаемого скачка в развитии региона не произошло. Квинтэссенцией сравнительной оценки дальневосточной политики Горбачёва и Ельцина можно считать приведённое выше утверждение о том, что оба они много говорили о международной интеграции Дальнего Востока, но практически ничего не сделали для ее достижения. Современный этап «поворота на Восток» внёс свои коррективы в дальневосточную повестку, тем не менее оценки западных экспертов конца 1980-х — 1990-х гг. во многом оказались справедливыми и не теряют своей актуальности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Антошин А.В. Есть ли прошлое у стратегического «разворота России на восток»? Азиатский вектор российской политики в современной отечественной историографии // *RussianStudiesHu*. 2024. № 2. С. 93—114.
2. Akaha Ts. Conclusion // *Politics and Economics in the Russian Far East. Changing Ties with Asia-Pacific* / ed. by Ts. Akaha. London, New York: Routledge, 1997. Pp. 218—225.
3. Arai N., Hasegawa Ts. The Russian Far East in Russo-Japanese Relations // *Politics and Economics in the Russian Far East. Changing Ties with Asia-Pacific* / ed. by Ts. Akaha. London, New York: Routledge, 1997. Pp. 157—186.
4. Atkinson S.R. The Struggle for the Soviet Far East: Political, Military, and Economic Trends under Gorbachev. Alexandria: Center for Naval Analyses, 1991. 25 p.
5. Atkinson S.R. The USSR and the Pacific Century // *Asian Survey*. 1990. Vol. 30. No. 7. Pp. 629—645.

6. Blank S.J. The New Russia in the New Asia // *International Journal* (Canada). 1994. Vol. 49. No. 4. Pp. 874—907.
7. Bradshaw M.J. Soviet Asian-Pacific Trade and the Regional Development of the Soviet Far East // *Soviet Geography*. 1988. Vol. 29. Iss. 4. Pp. 367—393.
8. Bradshaw M.J. The Russian Far East: an Introduction // *The Russian Far East and Pacific Asia. Unfulfilled Potential* / ed. by M.J. Bradshaw. London, New York: Routledge, 2001. Pp. 1—10.
9. Brown A. New Thinking on the Soviet Political System // *New Thinking in Soviet Politics* / ed. by F. Brown. Oxford: Palgrave Macmillan, 1992. Pp. 12—28.
10. Burles M. Chinese Policy Toward Russia and the Central Asian Republics. Santa Monica: RAND, 1999. 83 p.
11. Dallin A. New Thinking in Soviet Foreign Policy // *New Thinking in Soviet Politics* / ed. by A. Brown. Oxford: Palgrave Macmillan, 1992. Pp. 71—85.
12. Davis S. The Russian Far East. The Last Frontier? London, New York: Routledge, 2003. 155 p.
13. Gill G. Power, Authority and Gorbachev's Agenda // *The Soviet Union as an Asian Pacific Power: Implications of Gorbachev's 1986. Vladivostok Initiative* / ed. by R. Thakur, C. Thayer. Boulder: Westview, 1987. Pp. 19—38.
14. Ha J. Gorbachev's Bold Asian Initiatives: Vladivostok and Beyond // *Asian Perspective*. 1988. Vol. 12. No. 1. Pp. 5—33.
15. Hausladen G. Siberian Urbanization since Stalin: Final Report to National Council for Soviet and East European Research. Reno: University of Nevada, 1990. 111 p.
16. Hazard J.N. "New Thinking" in Soviet Approaches to International Politics and Law // *Pace International Law Review*. 1990. Vol. 2. Iss. 1. Pp. 1—19.
17. *New Thinking in Soviet Politics* / ed. by F. Brown. Oxford: Palgrave Macmillan, 1992. 115 p.
18. Perkovich G. The Soviet Union: Moscow Turns to the East // *The Atlantic*. 1987. Vol. 260. No. 6. Pp. 30—35.
19. Stephan J. The Russian Far East. A History. Stanford: Stanford University Press, 1994. 485 p.
20. *The Russian Far East in Transition: Opportunities for Regional Economic Cooperation* / ed. by M.J. Valencia. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1995. 243 p.
21. *The Soviet Union and the Asia-Pacific Region: Views from the Region* / ed. by P. Thambipillai and D.C. Matuszewski. New York: Praeger, 1989. 217 p.
22. *The Soviet Union as an Asian Pacific Power: Implications of Gorbachev's 1986. Vladivostok Initiative* / ed. by R. Thakur and others. New York: Routledge, 1988. 236 p.
23. Wishnick E. The Regional Dynamic in Russia's Asia Policy in the 1990s // *Russia's Far East: A Region at Risk* / ed. by J. Tornton and Ch. E. Ziegler. Seattle, London: The National Bureau of Asian Research, 2002. Pp. 293—317.
24. Zamascikov S. Gorbachev and the Soviet Military // *Comparative Strategy*. 1988. Vol. 7. Iss. 3. Pp. 227—251.

REFERENCES

1. Antoshin A.V. Est' li proshloe u strategicheskogo «razvorota Rossii na vostok»? Aziatskiy vektor rossiyskoy politiki v sovremennoy otechestvennoy istoriografii [Does Russia's Strategic "Pivot to the East" Have a Past? The Asian Vector of Russian Policy in Contemporary Russian Historiography]. *RussianStudiesHu*, 2024, no. 2, pp. 93—114. (In Russ.)
2. Akaha Ts. Conclusion. *Politics and Economics in the Russian Far East. Changing ties with Asia-Pacific*. Ed. by Ts. Akaha. London, New York, Routledge Publ., 1997, pp. 218—225. (In Eng.)

3. Arai N., Hasegawa Ts. The Russian Far East in Russo-Japanese Relations. *Politics and Economics in the Russian Far East. Changing ties with Asia-Pacific*. Ed. by Ts. Akaha. London, New York, Routledge Publ., 1997, pp. 157—186. (In Eng.)
4. Atkinson S.R. *The Struggle for the Soviet Far East: Political, Military, and Economic Trends under Gorbachev*. Alexandria, Center for Naval Analyses Publ., 1991, 25 p. (In Eng.)
5. Atkinson S.R. The USSR and the Pacific Century. *Asian Survey*, 1990, vol. 30, no. 7, pp. 629—645. (In Eng.)
6. Blank S.J. The New Russia in the New Asia. *International Journal* (Canada), 1994, vol. 49, no. 4, pp. 874—907. (In Eng.)
7. Bradshaw M.J. Soviet Asian-Pacific Trade and the Regional Development of the Soviet Far East. *Soviet Geography*, 1988, vol. 29, iss. 4, pp. 367—393. (In Eng.)
8. Bradshaw M.J. The Russian Far East: an Introduction. *The Russian Far East and Pacific Asia. Unfulfilled Potential*. Ed. by M.J. Bradshaw. London, New York, Routledge Publ., 2001, pp. 1—10. (In Eng.)
9. Brown A. New Thinking on the Soviet Political System. *New Thinking in Soviet Politics*. Ed. by F. Brown. Oxford, Palgrave Macmillan Publ., 1992, pp. 12—28. (In Eng.)
10. Burles M. *Chinese Policy Toward Russia and the Central Asian Republics*. Santa Monica, RAND Publ., 1999, 83 p. (In Eng.)
11. Dallin A. New Thinking in Soviet Foreign Policy. *New Thinking in Soviet Politics*. Ed. by A. Brown. Oxford, Palgrave Macmillan Publ., 1992, pp. 71—85. (In Eng.)
12. Davis S. *The Russian Far East. The Last Frontier?* London, New York, Routledge Publ., 2003, 155 p. (In Eng.)
13. Gill G. Power, Authority and Gorbachev's Agenda. *The Soviet Union as an Asian Pacific Power: Implications of Gorbachev's 1986. Vladivostok Initiative*. Ed. by R. Thakur, C. Thayer. Boulder, Westview Publ., 1987, pp. 19—38. (In Eng.)
14. Ha J. Gorbachev's Bold Asian Initiatives: Vladivostok and Beyond. *Asian Perspective*, 1988, vol. 12, no. 1, pp. 5—33. (In Eng.)
15. Hausladen G. *Siberian Urbanization since Stalin: Final Report to National Council for Soviet and East European Research*. Reno, University of Nevada Publ., 1990, 111 p. (In Eng.)
16. Hazard J.N. "New Thinking" in Soviet Approaches to International Politics and Law. *Pace International Law Review*, 1990, vol. 2, iss. 1, pp. 1—19. (In Eng.)
17. *New Thinking in Soviet Politics*. Ed. by F. Brown. Oxford, Palgrave Macmillan Publ., 1992, 115 p. (In Eng.)
18. Perkovich G. The Soviet Union: Moscow Turns to the East. *The Atlantic*, 1987, vol. 260, no. 6, pp. 30—35. (In Eng.)
19. Stephan J. *The Russian Far East. A History*. Stanford, Stanford University Press, 1994, 485 p. (In Eng.)
20. *The Russian Far East in Transition: Opportunities for Regional Economic Cooperation*. Ed. by M.J. Valencia. Boulder, San Francisco, Oxford, Westview Press, 1995, 243 p. (In Eng.)
21. *The Soviet Union and the Asia-Pacific Region: Views from the Region*. Ed. by P. Tham-bipillai and D.C. Matuszewski. New York, Praeger Publ., 1989, 217 p. (In Eng.)
22. *The Soviet Union as an Asian Pacific Power: Implications of Gorbachev's 1986. Vladivostok Initiative*. Ed. by R. Thakur and others. New York, Routledge Publ., 1988, 236 p. (In Eng.)
23. Wishnick E. The Regional Dynamic in Russia's Asia Policy in the 1990s. *Russia's Far East: A Region at Risk*. Ed. by J. Tornton and Ch. E. Ziegler. Seattle, London, The National Bureau of Asian Research Publ., 2002, pp. 293—317. (In Eng.)
24. Zamascikov S. Gorbachev and the Soviet Military. *Comparative Strategy*, 1988, vol. 7, iss. 3, pp. 227—251. (In Eng.)